

Брестский горкомы партии (в августе 1941 г. по инициативе коммунистов в Бресте был создан подпольный горком партии во главе с П. Г. Жуликовым), 17 районных подпольных комитетов партии⁹. Среди тех, кто первым вступил в неравную схватку с немецко-фашистскими захватчиками, были коммунисты. Из 75 075 коммунистов, состоящих на учете в партийной организации Белоруссии накануне войны, около 26,5 тыс. было направлено в Красную Армию. Для работы в подполье в 1941 г. было оставлено около 8 тыс. коммунистов.

Коммунистическая партия Белоруссии с первых дней войны выступила инициатором организации и руководства всенародной борьбой на захваченной оккупантами территории. Несмотря на огромные трудности, отдельные просчеты и ошибки, она сумела заложить прочные основы для быстрого развития партийно-патриотического подполья, партизанской войны в тылу врага.

¹ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1967. Т. 1. С. 47.

² Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 154.

³ См.: Павлов Я. С. В суровом сорок пятом. Мн., 1985. С. 23.

⁴ См.: Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Мн., 1983. Т. 1. С. 80.

⁵ См.: Павлов Я. С. В суровом сорок первом. С. 196.

⁶ См.: Тозик А. А. В дни суровых испытаний. Мн., 1981. С. 28.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ См.: ПА при ЦК КПБ. Ф. 3630, оп. 1, д. 2, л. 2 (об).

⁹ См.: Подпольные партийные органы Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 1975. С. 243.

В. М. ТРУХНОВ

О ДЕФИНИЦИИ ГНОСТИЦИЗМА

Тема «гностицизм» уже долгое время привлекает к себе исследователей многих стран мира. Ей посвящено огромное количество работ в области истории и философии, теологии и психологии. Круг вопросов, рассматриваемых в рамках этой темы, чрезвычайно широк. Неоднократно созывались международные конференции и коллоквиумы, посвященные гностицистским проблемам¹. Тем не менее споры о том, что такое гностицизм — философия или религия, о его хронологических рамках и связи с христианством и Востоком, даже о тех основных признаках, которые позволяют считать то или иное учение гностицистским, не только не умолкают, но становятся с каждым годом все ожесточеннее.

Столь серьезные разногласия вызваны, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, следует обратить внимание на то, что большинство исследователей, идя по стопам раннехристианских авторов (Юстин, Ириней, Ипполит и другие), употребляли и употребляют термин «гностицизм» достаточно широко и неопределенно. Так называли приверженцев далеко отстоящих одна от другой систем, включавших элементы вавилонской и египетской религии, зороастризма, иудаизма, эллинистической философии, христианства и ряда других направлений². Надо иметь в виду, что слово «гностицизм» отнюдь не было самоназванием. Более того, представители ряда гностицистских сект без колебания называли себя христианами. Во-вторых, круг источников, привлекаемых для изучения гностицизма, постоянно расширялся. В поле зрения ученых постепенно оказывались герметические, мандейские, манихейские документы³, в результате чего термин «гностицизм» становился все более общим и расплывчатым. В-третьих, на результатах исследований, посвященных теме «гностицизм», заметно сказывается субъективный фактор, что обусловлено многогранностью, многоплановостью рассматриваемого явления. В результате гностицизм оборачивается то явлением в истории христианской церкви, то феноменом, развивающимся независимо от нее; выступает то в виде системы философских взглядов, то как религия самопознания; то суженным хронологически до двух столетий и втиснутым в рамки Римской империи, то не имеющим временных и пространственных границ.

Вследствие всего этого дать более или менее исчерпывающее определение гностицизма — задача крайне непростая, если вообще выполнимая. Попытаемся все же разъяснить, что мы понимаем под этим явлением. Рассмотрим вначале, что же объединяет все течения, которые большинство исследо-

вателей относят к гностическим. В первую очередь, это учение о тайном знании для избранных, «гносисе»; о знании особого рода, которое, подобно Атману в ведийской традиции, «...не постигается ни толкованием, ни рассудком, ни тщательным изучением»⁴. С понятием «гносис» тесно связано учение об избранности, деление людей на избранных и всех остальных. «...Есть много животных в мире, имеющих форму человека. Когда он познает их, свиньям он бросит желуди, скотине он бросит ячмень и солому, и траву, собакам он бросит кости, рабам он даст всходы, детям он даст совершенное»⁵. Данное высказывание из гностического Евангелия от Филиппа, повествование в котором ведется от имени ученика Бога, как нельзя лучше характеризует это деление⁶.

Следующая черта, свойственная всем гностическим системам, — ярко выраженное отрицательное отношение к материальному миру, его неприятие. Согласно гностической космогонии, телесный мир был создан в результате ошибки последнего зона высшего мира — Софии Эпинойи, породившей без участия и согласия незримого Духа сына Иалдабаофа. «Я Бог, и нет другого бога кроме меня, — возмнил последний, — ...не зная о своей силе, о месте, откуда произошел»⁷. Он и стал творцом несовершенного материального мира, который, впрочем, оказался подобием мира высшего, совершенного из-за неосознанной самим Иалдабаофом силы света, которую он взял от своей матери и неосознанно же перенес на свое творение⁸.

Еще одна черта гностических учений, непосредственно связанная с предыдущей, — всеобъемлющий дуализм, выражающийся не только в противопоставлении полярных начал: «добро» — «зло», «свет» — «тьма», «правое» — «левое», «мужское» — «женское» и так далее, но и в стремлении к их объединению, граничащим с наивной диалектикой. «Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое — братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие — не хороши, и плохие — не плохи, и жизнь — не жизнь, и смерть — не смерть»⁹. Не правда ли, это высказывание из Евангелия от Фомы наводит на мысль о робкой попытке сформулировать закон единства и борьбы противоположностей? В дуалистическом русле трактуется и ошибка Софии. Несовершенство ее творения объясняется в Апокрифе Иоанна тем, что «...она захотела открыть в себе самой образ... без своего сотоварища, без его мысли»¹⁰.

Еще одна особенность гностических систем — склонность к самоанализу, самопознанию. Убежденность в своей тождественности абсолютному побуждала гностика к самоуглублению, медитации (через познание себя к познанию абсолютного). «Когда вы познаете себя, тогда вы будете познаны и вы узнаете, что вы — дети Отца живого. Если же вы не познаете себя, тогда вы в бедности и вы — бедность»¹¹. «Не всем тем, кто всем обладает, положено познать себя. Однако те, кто не познает себя, не будут наслаждаться тем, чем они обладают. Но лишь те, кто познал себя, будут наслаждаться этим»¹².

Вот основные, хотя и далеко не все, черты, свойственные учениям, которые большинство исследователей признают гностическими. По каким же вопросам возникают наиболее серьезные разногласия? В первую очередь, это вопрос о хронологических рамках гностицизма. Взгляды ученых здесь можно условно разделить на две полярные группы. Точка зрения первых сводится к тому, что гностицизм неотделим от поздней античности. Это Г.-М. Шенке, Г. Ионас, К. Рудольф¹³. Сходные мысли высказывает М. К. Трофимова. Признавая вероятность преемственности гностической практики от очень отдаленных времен, она тем не менее считает, что, несмотря на черты сходства гностицизма времен раннего христианства с другими феноменами, между ними не существует «тождества исторической плоти»¹⁴.

Ученые второй группы, отмечала М. К. Трофимова, практически лишая гностицизм временных границ, вслед за А. Ш. Пюэшем склонны относить к нему верования мандеев и манихеев, ереси богомилов, павликиан, катаров, альбигойцев и даже работы некоторых мыслителей нового времени. К этой группе можно отнести, например, историка из ЧССР П. Покорного и профессора Э. Пейджелс из США¹⁵.

Разобраться в том, чья точка зрения верна, чрезвычайно сложно, поскольку сторонники и той, и другой приводят достаточно веские аргументы в пользу своей версии. Автор считает, что в данном случае к вопросу следует подойти диалектически. Не вызывает сомнений наличие у гностицизма эпохи Римской империи особых черт, отличающих его от предыдущих и последующих сходных с ним направлений. Нельзя игнорировать и то, что термин «гностики» впервые был применен именно для обозначения привержен-

цев определенных религиозно-философских учений того времени. Тем не менее автор считает, что понятие «гностицизм» вполне правомерно использовать как применительно к более ранним векам, так и к более поздним, так как и задолго до возникновения христианства, и длительное время после этого существовали учения, вполне обладавшие вышеуказанными «гностическими» чертами.

Хочется еще раз напомнить и о том, что те, кого мы сейчас называем гностиками, никогда не называли себя так. Создается впечатление, что в данном случае спор ведется в основном относительно возможности применения определенного термина к тем или иным феноменам.

На основании вышеизложенного считаю возможным предложить понимать термин «гностицизм» двояко: в широком и узком смысле этого слова¹⁶. В первом случае — это совокупность религиозно-философских систем древнего Востока, античности, средневековья и нового времени, существенно отличающихся одна от другой, удаленных друг от друга во времени и пространстве, обладающих, однако, общими, названными нами отличительными чертами. Во втором случае, на наш взгляд, понятие «гностицизм» вполне совпадает с формулировкой М. К. Трофимовой, которая ограничивает рассматриваемое явление рамками Римской империи.

¹ Например, коллоквиумы в Мессине (1966) и Стокгольме (1973), конференция в Йеле (1978).

² См.: Вестник древней истории. 1962. № 4. С. 71.

³ См.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 164.

⁴ Упанишады. М., 1967. С. 103.

⁵ Апокрифы древних христиан. С. 292.

⁶ Это высказывание, впрочем, оставляет простор для толкования: либо автор апокрифа вообще не считает людьми тех, кто не обладает «светом» (см.: Апокрифы древних христиан. С. 286), либо просто призывает проповедовать в соответствии с сознанием слушателя.

⁷ Наг-Хаммади II. Соч. I. 11, 20.

⁸ Там же. 5—10.

⁹ Там же. Соч. 3, 10.

¹⁰ Там же. Соч. 1, 9, 25—30.

¹¹ Там же. Соч. 2, 3.

¹² Там же. Соч. 3, 105.

¹³ См.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма: Наг-Хаммади II. Соч. 2, 3, 6, 7. М., 1979. С. 26—27; Rudolf K. Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion. Leipzig, 1977.

¹⁴ См.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. С. 41; С. 51; 52.

¹⁵ См.: Роконгу Р. Piseň o perle: Tajne knihy starověkých gnostiku. Praga, 1986; Pagels E. The Gnostic Gospels. N. Y., 1979.

¹⁶ Попытки подобного деления делались и раньше. Так, еще в 1966 г. международный коллоквиум в Мессине рекомендовал использовать понятие «гностицизм» для обозначения религиозных движений первых христианских столетий, а для названия аналогичных явлений в иных религиозных союзах и философских школах применять термин «гносис», однако предложение не прижилось.

И. Л. КАЧАЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Во второй четверти XIX в. кризис феодальной системы в России достиг наивысшего размаха. Однако самодержавие было еще слишком сильно, чтобы уступить без боя свои позиции. Напротив, оно делало все для сохранения существующего государственного строя и той структуры общественных отношений, на которой этот строй зиждился. Достичь поставленной цели лишь усилением карательного аппарата власти было, разумеется, невозможно. Новые течения общественной мысли заставляли царизм искать и эффективные средства идеологического противодействия их влиянию. В период царствования Николая I роль официальной идеологии абсолютизма стала играть так называемая «теория официальной народности», основные положения которой были сформулированы в начале 30-х гг. министром народного просвещения С. С. Уваровым в его знаменитой триаде: православие, самодержавие, народность.